

А вот главные герой и героиня вели себя невероятно беззаботно, вызывая всеобщую зависть в университете.

Когда мир откатился назад, Сяо Чжи переродился, сохранив воспоминания, и погрузился во тьму. Он оплатил главным героям той же монетой за всё, что они с ним сотворили, заставив главного героя пережить финал его собственной прошлой жизни.

Мир, лишившийся главного героя, начал терять равновесие: одно за другим последовали стихийные бедствия — землетрясения, цунами, лесные пожары... В конце концов мир не выдержал и рухнул.

И вот настало время очередного перезапуска мира. Злодей не переродился с воспоминаниями, и чтобы не повторить прежних ошибок, потребовалось появление Цэнь Чу.

Цэнь Чу совершенно ничего не понимал. Он был потрясен до глубины души и готов был прямо тут выкопать две ямы, чтобы закопать в них главных героев. Разве такие люди могут быть главными героями?

— Тц-тц-тц, тц-тц-тц-тц, — Цэнь Чу в душе не мог скрыть своего презрения.

Система 101 извелась из-за него, но тут случайно заметила злодея Сяо Чжи.

— Хозяин, хватит цыкать, смотри, смотри скорее, злодей сейчас выступать будет.

Услышав это слово, Цэнь Чу мгновенно выпрямился и благодаря преимуществу в росте успешно разглядел сквозь море голов безупречного Сяо Чжи, стоявшего у ступеней.

Почувствовав на себе взгляд Цэнь Чу, Сяо Чжи обернулся и встретился с ним глазами.

Сердце Цэнь Чу ёкнуло, и он машинально натянул школьную форму повыше, закрывая глаза так, что осталась видна лишь темная макушка.

Сяо Чжи:... Неужели он настолько страшный?

Цэнь Чу помолчал немного и произнес:

— Он ведь уже не смотрит на меня?

101 невольно закатил глаза.

— Чего ты прячешься? Он же не дикий зверь.

Услышав это, Цэнь Чу с смущенным видом опустил одежду обратно:

— Да это у меня рефлекс! У него такой пронзительный взгляд, он меня испугал.

Стоило Цэнь Чу стянуть форму, как Сяо Чжи снова повернулся, и их взгляды вновь встретились.

На этот раз Цэнь Чу не стал прятаться, а уставился прямо на него, расплывшись в том, что считал невероятно крутой улыбкой.

Однако в глазах Сяо Чжи эта улыбка выглядела глуповато, словно у дурачка. Подняв уголки губ так, чтобы никто не заметил, он тихо бросил:

— Станный тип.

101 не мог на это смотреть. Откуда только взялся такой глупый хозяин?

Но Цэнь Чу почему-то искренне считал свою улыбку крайне обаятельной и был уверен, что Сяо Чжи сражен им наповал:

— 101, смотри, даже злодей очарован моей красотой.

— Ха-ха, ха-ха-ха.

Цэнь Чу:

— Хе-хе, хе-хе-хе.

— Деревня.

— А теперь приглашаем на сцену нашего ученика-представителя, Сяо Чжи из класса один второго года старшей школы. Встретим его аплодисментами.

Едва затихли слова, по всему актовому залу прокатился раскат грома — аплодисменты были куда громче, чем для самого директора.

Сквозь шум аплодисментов Цэнь Чу с его острым слухом расслышал тихий восторженный визг сидевшей впереди него девочки:

— Ах-ах-ах, Сяо Чжи просто невероятно красив, боже мой, я не вывезу.

— Ты только посмотри на его руки, когда он поправляет одежду. Они же белее и тоньше, чем у девчонок, словно выточенные из нефрита! Если бы мне довелось хоть разок их коснуться, я бы смогла решить десять экзаменационных листов за один присест.

Цэнь Чу совершенно этого не понимал: подумаешь, руки, эка невидаль, чего так преувеличивать.

Но когда он сам бросил взгляд на сцену, то замер от удивления.

Те руки с четко очерченными суставами напоминали кусок холодного нефрита. Сейчас Сяо Чжи поправлял сине-белую школьную форму, разглаживая малейшие складки, а затем невозмутимо поднялся на сцену. Держа в руках бумагу с речью и стоя перед учителями и несколькими тысячами учеников, он держался спокойно, уверенно и непринужденно.

Сине-белая форма, которая на других сидела мешком, на нем выглядела невероятно ладно и стильно, вмиг поднимая общую планку внешности всех облаченных в неё школьников.

В тот самый момент Цэнь Чу увидел в нем испускаемый свет.

Его затаившееся сердце, не подававшее признаков жизни все эти двадцать с лишним лет, сейчас колотилось так сильно, что готово было проломить грудную клетку.

Неужели это свет отличника (любовь с первого взгляда)? Неужели его сердце молчало столько лет именно потому, что он еще не встретил того самого человека?

Система 101, уловив его мысли:... И надо же так высокопарно называть обыкновенную похоть

на чужую красоту.

То ли ему показалось, то ли Сяо Чжи действительно смотрел на него.

Цэнь Чу смущенно опустил голову:

— Айя, почему он все время смотрит на меня? Даже как-то неловко.

101:...

Мало того что дурачок, так еще и самовлюбленный.

Сяо Чжи действительно только что смотрел на Цэнь Чу. Сам не понимая почему, он вдруг поддался необъяснимому импульсу и глянул в ту сторону, но Цэнь Чу тут же отвел взгляд.

Это невольно заставило Сяо Чжи усомниться в себе: неужели он настолько некрасив, раз этот парень постоянно избегает смотреть на него?

Сяо Чжи, с самого детства слышавший в свой адрес лишь комплименты своей внешности, впервые усомнился в собственном лице.

Впрочем, сейчас был не тот момент, чтобы об этом думать — в зале его выступления ждали несколько тысяч человек.

Подобных мероприятий на его веку было уже не счесть, он давно привык и ни капли не волновался.

Поднявшись на сцену, Сяо Чжи настроил микрофон и, убедившись, что всё в порядке, начал речь.

— Уважаемые учителя, дорогие одноклассники...

В тот момент Цэнь Чу, кажется, до конца понял, что значит описанное в школьных учебниках выражение: словно звон нефритовых подвесок, радующий сердце.

Голос Сяо Чжи звучал так, будто сталкивались кусочки нефрита — холодный и в то же время освежающий, способный одним лишь звуком избавить человека от усталости целого дня.

Это был первый раз за всю его школьную пору, когда Цэнь Чу от начала и до конца выслушал речь представителя учеников, да так внимательно, что мог бы слово в слово повторить всё сказанное.

Раньше ему казалось, что до этих представителей достучаться просто невозможно: создавалось впечатление, что, кроме учебы, их ничего не интересует, либо они были донельзя высокомерны и считали ниже своего достоинства общаться с остальными школьниками. Но Сяо Чжи полностью разрушил его стереотипы.

Как можно быть настолько безупречным? О нет, о том, чтобы соблазнять злодея, и речи быть не может — даже если злодей попросит его отправиться на тот свет, он ни за что не откажется.

101 погрузился в глубокие раздумья: а стоит ли вообще привлекать Цэнь Чу к этому делу? Тот выглядел не слишком-то сообразительным, и система опасалась, что, как он сам только что выразился, дело закончится раньше, чем успеет начаться хотя бы один раунд противостояния.

— В заключение позвольте пожелать учителям успехов в работе и во всем задуманного в новом семестре, а ученикам — больших успехов в учебе и новых свершений.

На этом моя речь окончена. Спасибо за внимание.

Спасибо.

Закончив говорить, Сяо Чжи спокойно поклонился залу. Когда он выпрямился, исходящее от него сияние уверенности едва не ослепило Цэнь Чу.

Под раскаты аплодисментов Сяо Чжи сошел со сцены, кивком поприветствовал ведущего и занял место в самом левом углу первого ряда. Рядом с ним сидели школьное руководство и преподаватели, что ясно показывало, как сильно учителя любят его.

Цэнь Чу был готов аплодировать до боли в ладонях — речь вышла потрясающей, да и сам он оказался невероятно вежливым.

— 101, от его уверенного вида мои титановые собачьи глаза чуть не ослепли! На секунду мне даже показалось, будто это я выступаю на сцене.

— Теперь-то понял, насколько хорош злодей? А еще смел воротить от него нос.

101 никак не ожидал, что банальная речь так сильно изменит мнение Цэнь Чу о Сяо Чжи — то есть о злодее. То ли радоваться сообразительности Цэнь Чу, то ли удивляться его ветрености?

Цэнь Чу закивал:

— Я буду относиться к злодею хорошо, я одарю его своим теплом и спасу его!

Выкрикнув эти громкие слова, Цэнь Чу тут же струсил, стоило подняться на сцену следующему оратору из числа руководства. И с каких это пор у него хватило наглости бросаться подобными заявлениями?

Воодушевление от речи Сяо Чжи улетучилось, а выступления других начальников выглядели скучно и уныло. Многие ученики в зале приуныли, а кое-кто начал тихонько переговариваться.

Цэнь Чу не удержался и задремал, а когда проснулся, в актовом зале уже никого не осталось.

Поскольку он сидел на самом последнем ряду с краю и, заснув, сжался в кресле, на него никто не обратил внимания, и в конце концов разбудить его смог только 101.

После сна стало жарковато, и Цэнь Чу стянул пиджак школьной формы, закинув его на плечо, сунул руки в карманы брюк и широким шагом направился к выходу.

Хотя сама эта школьная форма была откровенно уродливой, качество ткани не вызывало нареканий — материал оказался на удивление мягким и дышащим.

Если оглядеться вокруг, в этом золотом сентябрьском дне деревья Хайчэна еще пестрили переплетением темно-зеленой и нежно-зеленой листвы. Погода стояла жаркая, под стать июлю-августу, но временами налетающий ветерок уже приносил с собой легкую прохладу.

Почти каждый школьник в кампусе был одет в два слоя: поверх летней формы надет осенний пиджак — застегнутый, распахнутый или вовсе повязанный вокруг пояса. И хотя со лбов у некоторых уже катился пот, расставаться с верхней одеждой никто не спешил.

В старшей школе Цэнь Чу вел себя точно так же. Почему-то снять пиджак школьной формы казалось невозможным, словно существовало какое-то негласное правило, которому следовали все подряд, включая Сяо Чжи.

Вспоминая те школьные годы, Цэнь Чу невольно улыбался. Пусть было тяжело, но и радостно по-настоящему, и даже десятиминутная перемена, потраченная на сон, приносила огромное блаженство. Прошло столько лет с момента выпуска, и теперь ему выпал новый шанс, так что он просто обязан... как следует отдохнуть. В старшей школе он каждый день пахал как собака, неужели ему снова становиться собакой? За кого его вообще принимают? Как-никак, он — высококлассный специалист, окончивший и бакалавриат, и магистратуру в университетах проекта 985, неужели он не справится со школьными задачками? Смешно.

101:

А он-то думал, Цэнь Чу сейчас выдаст какую-нибудь громкую речь и даже собирался его подбодрить, но из собачьей пасти всё равно не выпадет слоновой кости.

Цэнь Чу напевал себе под нос, прогуливаясь за пределами актового зала. На этот раз выступление было назначено на два последних урока, а после его окончания можно было сразу отправляться домой, так что он никуда не спешил. Всю дорогу он думал о Сяо Чжи, снова и снова расхваливая его перед 101.

Наверное, он слишком сильно скучал: на углу учебного корпуса Цэнь Чу чуть не столкнулся с несёмся сломя голову Сяо Чжи.

Цэнь Чу сделал резкий разворот, прижавшись спиной к стене, одной рукой поймал едва не упавшего Сяо Чжи и с усилием подтянул его вверх, возвращая равновесие. Школьная форма, которая до этого аккуратно лежала у него на плече, упала на землю.

Сяо Чжи никак не ожидал такого поворота. В тот момент, когда он уже мысленно готовился к близкому знакомству с полом, чужая рука, крепкая словно сталь, надёжно обхватила его. Он до сих пор чувствовал на своей талии и животе чужое тепло, от которого его лицо вспыхнуло в одно мгновение.

— С-спасибо. — Сяо Чжи окостенел всем телом и, чувствуя себя крайне неудобно, сделал пару шагов назад, увеличивая расстояние между ними, а сам вцепился пальцами в лямку рюкзака.

Цэнь Чу от неожиданности засмотрелся на него. Если бы не вовремя подсказавший 101, он бы так и продолжал пялиться на чужое лицо.

— Д-да не заведение, пустяки.

После слов Цэнь Чу оба на какое-то время замолчали. Атмосфера стала напряженной и неловкой: им бы просто разойтись в стороны, но почему-то ни один из них не сдвинулся с места, они лишь то и дело переглядывались.

Цэнь Чу чуть не умирал от напряжения — с подобным он сталкивался впервые и совершенно не знал, как себя вести.

Когда Цэнь Чу уже решил, что они так и проторчат здесь до темноты, Сяо Чжи бросил взгляд на часы и, забыв о смущении, встревоженно произнес:

— Спасибо тебе огромное за помощь, но мне сейчас нужно бежать.

— А? — Цэнь Чу на секунду замер.

Внезапно вспомнив, что после уроков злодею нужно идти на подработку, а сегодня из-за выступления занятия уже закончились и время, должно быть, поджимало, он решил, что пора начинать действовать.

С этими мыслями Цэнь Чу наклонился, поднял школьную форму, швырнул её Сяо Чжи и бросил напоследок:

— Постой здесь немного, я сейчас же вернусь!

Сказав это, он не дожидаясь ответа, резко развернулся и побежал обратно в свой класс.

Под руководством 101 он отыскал свой класс и место, впопыхах сунул в рюкзак пару книг и снова со всех ног бросился к Сяо Чжи.

У выхода он столкнулся с одноклассником Гао Юем, как раз возвращавшимся в кабинет.

Гао Юй обратил внимание на то, что тот двигается с невероятной скоростью, словно у него появилось какое-то срочное дело, хотя раньше он всегда действовал неторопливо. Из любопытства он всё же спросил:

— Ты чего это такой взмыленный, куда собрался?

Цэнь Чу перемахнул через порог длинным шагом, выходя наружу, и бросил на ходу:

— У меня очень важное дело, еще увидимся!

Конечно я знаю, что у тебя важное дело, я же просто хотел узнать, какое именно, мысленно хмыкнул Гао Юй.

Гао Юй слегка растерялся, покачал головой, решив больше об этом не думать, и пошел к своему месту собирать вещи.

В конце концов, время уже позднее, пора и домой. Мама сегодня приготовила ребрышки с солью и перцем, нужно срочно возвращаться на ужин.

Цэнь Чу еще не успел завернуть за угол, как увидел Сяо Чжи.

Сяо Чжи и впрямь послушно выполнял его просьбу: он стоял с его вещами в руках, и на его лице не было ни тени раздражения, словно он занимался чем-то невероятно важным. Цэнь Чу даже пожалел, что не побежал еще быстрее.

Хотя, по правде говоря, Цэнь Чу выложился на все сто: сбегать на пятый этаж и обратно у него заняло всего две минуты.

Остановившись рядом с Сяо Чжи, Цэнь Чу уперся одной рукой в стену и жадно глотал свежий воздух, не в силах вымолвить ни слова. Немного переведя дух, он выдал:

— П-пойдем со мной, я на велосипеде, я тебя подвезу.

Видя, как Цэнь Чу ради него выбивался из сил, Сяо Чжи на мгновение растрогался. После смерти матери о нем никто больше так не заботился, но почему этот незнакомец вдруг решил ему помочь?

Отказ вертелся на языке, но произнести его почему-то не получалось. В конце концов слова превратились в глухой кивок, и он молча последовал за Цэнь Чу, продолжая сжимать в руке чужую школьную форму.

Если раньше эта форма казалась ему горячей картошкой, от которой хотелось избавиться, то теперь она жгла ладони не хуже раскаленного железа — того гляди волдыри пойдут. Но Цен Чу, казалось, совершенно забыл о том, что его школьная форма всё еще у него, и Сяо Чжи тоже не знал, как об этом заговорить.

Пока он вел в душе ожесточенную борьбу с самим собой, его взгляд случайно упал на движения Цен Чу. Рука Сяо Чжи опередила мысли и уже потянулась в портфель.

Цен Чу весь вспотел после бега, особенно лоб. Он уже собирался вытереть пот рукой, но липкое ощущение заставило его машинально нахмуриться. Он помнил, что вроде бы снял куртку от школьной формы и попросил Сяо Чжи поддержать ее.

В этот момент Цен Чу только обернулся, как перед ним возникло чистое, но добела застиранное носовое платок. Оказавшись так близко, он даже почувствовал запах стирального порошка.

— Вытрись моим, если, конечно, не брезгуешь, — произнес Сяо Чжи с некоторой зажатостью. Его рука невольно крепко сжала платок — он даже сам не заметил этого маленького движения.

На его лице читалось напряжение, которого он сам не осознавал. Он был совсем не похож на того уверенного в себе Сяо Чжи на сцене, чье сияние способно озарить окружающих. Казалось, отказ Цен Чу мог испугать его куда сильнее, чем выступление перед тысячной аудиторией.

Сяо Чжи не знал, что Цен Чу был искренне рад за столь короткий срок увидеть другую, скрытую от всех сторону Сяо Чжи, и в его сердце бурлило тайное ликование. Цэнь Чу поймал его на лету и прямо на лице размашистотёр пот, выглядя при этом весьма залихватски. Затем он с отработанной легкостью запихнул платок себе в карман и, не моргнув глазом, произвел:

— Я испачкал твой платок, завтра постираю и верну.

После этого Цэнь Чу пошарил в школьной сумке и достал из кармашка другой платок, протягивая его Сяо Чжи:

— Я воспользовался твоим, а чтобы у тебя самого не осталось запасного, возьми мой. Его ты тоже постираешь и вернешь мне.

Все в той же не терпящей возражений манере Цэнь Чу сунул платок прямо в руки Сяо Чжи и заодно забрал свою одежду, перекинув ее через согнутую в локте руку.

Ощущение в руке сменилось от грубой, колючей ткани на шелковистую гладкость. Сяо Чжи еще машинально пару раз потер пальцами платок, медленно сжал кулак, а затем, подражая Цэнь Чу, спрятал его в собственный карман — засунул поглубже, чтобы уж точно не выпал.

Закончив со всей этой последовательностью действий, Сяо Чжи вдруг резко опомнился: что он вообще сейчас творит? На что это похоже — вот так возиться с чужим платком?

Сяо Чжи с некоторым чувством вины украдкой глянул на Цэнь Чу и, заметив, что тот не обратил внимания на его маленькие махинации, с облегчением выдохнул. Пока они шли до

велопарковки, Цэнь Чу наконец сообразил, что понятия не имеет, куда именно направляется Сяо Чжи. Выкатив велосипед, он первым закинул ногу в седло, слегка качнул подбородком в сторону Сяо Чжи и бросил:

— Садись, школьный представитель, и командуй, куда едем.

Сяо Чжи невольно усмехнулся:

— Ты даже не знаешь, куда я направлюсь, неужели не боишься, что я тебя продам?

Цэнь Чу неловко почесал затылок, думая про себя: «С твоими-то тонкими ручками и ножками, ты меня стоя толком не толкнешь, не то что продать. Скорее уж наоборот».

Конечно, вслух он этого говорить не стал, чтобы не задевать чужую гордость — с товарищем Сяо Чжи нужно общаться дружелюбно.

К тому же он украдкой сравнил их рост: у самого Цэнь Чу было сто восемьдесят два сантиметра, а у Сяо Чжи — от силы сто семьдесят пять.

— А ты продашь? — взгляд Цэнь Чу был полон искренности, он смотрел на него, не моргая.

Сяо Чжи, изначально планировавший просто пошутить, под этим взглядом растерял все слова и ошеломленно выдавил:

— Нет.

— Вот и отлично, я верю, что ты, школьный представитель — человек хороший, — Цэнь Чу от души похлопал Сяо Чжи по плечу. — Залаживай давай, я заметил, ты еще раньше нервничал, времени, небось, в обрез.

Сяо Чжи, которому только что отвесили картонную медаль за добродетель, с трудом удержался на ногах от такого увесистого хлопка и выдавил из себя улыбку:

— Да не так уж далеко, всего в двух кварталах от школьных ворот, в чайной лавке. Пешком минут десять ходьбы.

Видя, что рабочее время уже поджигает и пешком они точно не успеют, Сяо Чжи решил больше не ломаться и просто воспользоваться попутным транспортом. Он уселся на багажник, совершенно не зная, куда деть руки.

— Значит, в чайную лавку? Понял, сделаем.

Цэнь Чу заметил, что Сяо Чжи положил руки себе на колени — в таком положении легко было и свалиться, поэтому он просто перекинул школьный портфель на колени Сяо Чжи.

Заметив вопросительный взгляд со стороны Сяо Чжи, он простодушно ухмыльнулся:

— Ты такой худой, а я на велосипеде езжу быстро. Положим рюкзак — для весу. И обними меня за талию одной рукой, а то ведь и вправду свалишься.

— А? — Сяо Чжи растерялся еще больше.

— Да ладно тебе, — Цэнь Чу сделал вид, что не замечает его смущения, и сам схватил руку Сяо Чжи, обернув ее вокруг своей талии. — Мы же оба парни, чего тут стыдиться, ну прямо как девчонка.

<http://bllate.org/book/22513/2377438>